

СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ МАЛОГО ЖАНРА В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Светлой памяти Александра Евгеньевича Кибрика, замечательного кавказоведа, ценившего и знавшего также языки и диалекты разных народов России

Во всех языках мира можно обнаружить видимо-невидимо разного рода сочетания слов так называемого малого жанра. Во всяком случае, в языках индоевропейской и уральской языковых семей их — великое множество. Как говорил знаменитый Козьма Прутков, «нельзя объять необъятного» (вариант его же афоризма: Никто не обнимет необъятного) [Сочинения Козьмы Пруткова. М. 1955. Стр. 122–139. № №3; 67, 139]. Тем не менее, можно попытаться «обнять», свести в одну группу разные виды текстов малого жанра, посмотреть, что представляют собой эти примеры: каковы их типы, специфика в разных языках, тематика, структура фраз или их частей. Началом подобных изысканий может служить сравнительно редкое наличие в некоторых уральских языках изафетных конструкций, имеющих несколько типов. Напр.: Ирань пильксэнзэ с лично-притяжательным суффиксом или с указательным Ирань пилькстнэ (*пилекс* — ‘серёжка, серьга’; от *пиле* ‘ухо’) [Языки мира. Уральские языки. 1993, с. 205]. Или: Пилезэть путан пилекст — кунсолэца ультя. «В уши твои вдену серьги я, чтобы послушная ты была» (М. Евсевьев. Мордовская свадьба), см. Эрзянь — Рузонь валкс 1993, с. 480. В «Русско-мордовском словаре» А. П. Феоктистова (1971, 372 с.) содержится обильный материал (45 тетрадей) по мордовской лексике XVIII в. В книге дано свыше 11 тыс. словарных статей, в которых отражены разные слои лексики русского и мордовских языков XVII–XVIII вв.

При этом необходимо не просто помнить, но и учитывать наличие немалого числа сугубо специфичных черт (которые и будут рассматриваться далее) того или иного языка из семьи уральских языков. Преимущественно речь будет идти о волжских, обско-угорских и пока еще живых самодийских языках. Всё это языки, материалы по которым в большинстве своём собираны лично автором статьи. Сюда относятся языки марийский, мордовские (мокшанский и эрзянский), пермские (коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский, язык бесермян). Относительно коми языков ведутся споры, касающиеся, в частности, коми-язвинского наречия (языка красновишерских пермяков). В группе угорских языков были обследованы обско-угорские (мансийский и хантыйский) языки, а среди самодийских — селькупский, энецкий и ненецкий. Помимо материалов, собранных в экспедиционных условиях, использовались для сравнения сведения, почерпнутые из ряда других источников

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №13-06-00884. Исследование морфосинтаксических параметров межязыкового варьирования в уральских и алтайских языках.

(с указанием на них в библиографических сносках). К ним относятся обско-угорские языки (в наибольшей мере — хантыйский), удмуртские (особенно язык бесермян), а также мордовские (языки мокши и эрзи).

В настоящее время существует значительная по объему библиография произведений малого жанра. В данной статье приводятся лишь отдельные примеры разных видов слов этого жанра, собиравшиеся в течение многих лет в период многочисленных экспедиций к разным уральским народам, экспедиций, специальной целью которых не являлся сбор подобных слов. Основное внимание обращалось на грамматику, что, впрочем, не помешало издать несколько словарей по селькупскому языку, словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка, подготовить словарь по бесермянскому языку (см. библиографию).

К числу слов малого жанра и их сочетаний обычно относятся загадки, пословицы, приговорки и поговорки; прибаутки, приметы, присловья; парные слова, фразеологизмы, прозвища и даже разного рода устойчивые словосочетания. Порою бывает трудно провести границу между пословицами и поговорками или между поговоркой и прибауткой и т. п. В разных языках существует множество примет, заговоров и оберегов, не только относящихся к болезни, но и могущих спасти от тоски и печали, от истечения крови из раны («заговорить кровь»). Среди них есть сходные с древними римскими русские приметы (напр., пожелание здоровья при чихании — *sternutatio*; если ‘звон в ушах’, *timutus aurium*; ‘зубы чешутся’ — *pruritus dentium*). В русском и в уральских языках можно обнаружить немалое количество совпадений в разных видах, о чем подробнее будет рассказано в дальнейшем.

В статье используются (к сожалению, далеко не все) собранные в период 1970–2013 г. материалы по 12 уральским языкам, преимущественно находящимся на территории России; исследования по ним велись в указанные годы. В итоге была предпринята попытка обнаружить сходные и различные по смыслу загадки и приметы среди многих видов рассматриваемых словосочетаний, собранных в разных уральских языках, а затем проведена их классификация.

ЗАГАДКИ

Загадки встречаются во всех языках уральской семьи. Как уже говорилось, провести границу между некоторыми примерами из числа слов малых жанров бывает очень трудно. В частности, нелегко различить загадку и примету, как, напр., в следующем тексте из **КОМИ**: Пыран этік *русти*, а петан нель *русти* «В одну дыру *войдешь*, а из четырёх (в четыре) *выйдешь*» (*малица*). В данном примере обращает на себя внимание не только (а для лингвиста и не столько) смысл загадки, но и наличие энантиосемии (в коми языке скорее редко, чем часто встречающееся) в слове *русти*, которое означает в первом случае «войдешь, зайдешь», а во втором — «выйдешь». Случаи подобного т. п. встречаются и в других языках, напр., в языке **манси**, где глагол *мáнті* означает и «идти, плыть, и уйти, уехать, уплыть, улетать...»: Хопэв *мáнас*, *сáмем мáнас* букв. «Лодка *уплыла*, сердце мое *ушло*», что в целом означает «я испугался» (Ср. в русском языке: «сердце ушло в пятки»); вторая часть предложения (*сердце моё ушло*) считается фразеологизмом.

Точно так же трудно определить статус (загадка или примета?) следующего примера из языка **ханты**: Энмә|тәм ӧт нӧви ат, нӧви ат, нӧви хӧтә| ант вантыйӧс, хун сӧрма питӧс, вӧ|щи нӧви ат, нӧви хӧтә| вантӧс «То, что уже выросло, белую ночь, белый день

не видело. Когда умерло, только тогда белую ночь, белый день увидело» (*сердцевина дерева*), см. Лапина 2011, с. 96–99. Не случайно приведенный пример (из числа загадок, собиравшихся М. А. Лапиной лет 20–30 назад) иначе понимался и интерпретировался современными носителями языка в с.Теги, которым было предложено разгадать эту загадку (в июле 2012 г.). Ошибочными ответами на данную загадку были слова «картошка; ночь; луна». Правильно была отгадана лишь одна загадка, да и та только двумя опрашиваемыми: Юх тыйэн хбрэн хирэт (Нохэр) «На верхушке дерева тяжелые мешки» (*Кедровые шишки*). Среди 158 загадок Елены Пушкаревой (см. Пушкарева 2008), можно найти как встречавшиеся раньше, так и новые загадки. Напр., в загадках под №114 и №157 — одна и та же загадка: Хубтахана тет нэда, яля' сидя нэда, пэвсюмя' няна няхар" нэда; ненэчь' («По утрам у него четыре ноги, днём две ноги, вечером три ноги») (человек в детстве, зрелости, глубокой старости).

Наблюдательность носителей обско-угорских и самодийских языков поражает всех. Отгадайте, пожалуйста: «В конце длинного холма две норы». А другой вариант: «В конце длинного холма — перевёрнутая посуда из кости». 1-ая отгадка — *ноздри*, 2-ая — *ноготь*. Загадка «В середине поля горшок с маслом кипит» означает «солнце (шишь)».

Параллельное рассмотрение эпитетов хантыйских и мансийских божеств обнаруживает совпадение в обоих языках лексемы *торум*, которая является полисемантической, хотя в эпитетах хантыйских божеств она встречается (по подсчетам Н. Р. Анямова) только три раза, а в пантеоне манси — 12, см. Мифология хантов, 2008, с. 85–86.

Специфичные хантыйские загадки попадают в статью В. Е. Енова «Рыболовная лексика хантыйского языка, отраженная в фольклоре», напр.: «И ангкеп — ащеп яй па апщи кат пелакн лойланган, туп ияха ат ёхатланган», что означает «Одного отца-матери братья по две стороны стоят, но не могут подойти друг к другу», см. Енов 2008, с. 177. В переводе на русский язык данная загадка означает «Берега Оби» (Ас питарнган). Или другой пример, приведенный В. Е. Еновым (2008, с. 178): Ёингк илпийн сыянг хот лойл па тыел-тохел ховийл «Под водой шумный дом стоит и туда-сюда раскачивается», что означает гимга — рыболовная верша, морда, сплетенная из тонких корней хвойных деревьев. По мнению В. А. Игушева (2008, с. 28), слово гимга в языке коми — заимствование из мансийского языка, где данное слово звучит как *kamka / kãmka / kemka*, см. Kálmán 1961. Приведенные единичные примеры заимствований (в том числе и бытовых реалий) из обско-угорских языков в коми-зырянские диалекты свидетельствуют о добрососедских отношениях этих этносов.

У обских угров главным божеством природных стихий является Пай ики «Тучи старик» (хант.) или Сяхыл Торум «Бог грозы» (манс.). В статье Л. В. Кашлатовой (п.Берёзово ХМАО) речь идет о хантыйском мифе «Огненный потоп», где говорится о том, что огненный потоп достигает земли, но люди совершают жертвоприношение огню, молятся и приносят дары небесному богу Нуми Торуму, см. Кашлатова 2008. В **мансийских мифах** люди «спасаются от потопа в пологах, сшитых из стерляжьей кожи, и на плотах из семи слоёв листовенничных бревен» (Ромбандеева 1993: 43). Для обско-угорских языков характерно (как, впрочем, и для языков многих других народов, напр., народов с архаичной культурой) табуирование, связанное с понятием эвфемизма. Классическим примером эвфемизма является слово медведь в русском языке (т. е. медом ведающий), а его эквивалентом в хантыйском можно считать *ин ут* «медведь» (букв. «тот некто-нечто») или пупи (на языке манси), см. Каксин 2008, с. 18–19. Уже по приведенным примерам видно, насколько своеобразны данные языки по сравнению, напр., с русским, и в какой мере отличны от него.

Загадки в самодийских языках обладают особой спецификой. Встречаются среди них загадки, напоминающие русские: Антошка уккыр топыса ныңка «Стоит Антошка на одной ножке» (*эриб*). Однако в целом загадки и селькупов, и энцев, и ненцев значительно отличаются в своей интерпретации от загадок финно-угорских языков, не говоря уже о русских загадках. Различить загадку и приметку, или просто отгадать загадку, бывает трудно точно так же, как истолковать специфические сны у самоедов. Если (например, **селькупам**) снятся старые люди, — то это к дождю, а если снится, будто старики дают что-то молодым или берут у них, то это означает, что старые «к себе зовут». Таким способом через сон передается весть или пожелание из прошлого в будущее. Ярким примером сказанного может служить селькупский рассказ под названием «Мой сон этот про Люду», в котором рассказывается о существовании так называемых провидческих (вещих) снов. К ним относятся, в частности, сны, раскрывающие общение покойника с живым молодым человеком и кончающиеся смертью последнего, см. Кузнецова 2007, с. 101.

Селькупские загадки (*ñurqutsa*), как и у многих других народов, не имеющих единого литературного языка при наличии нескольких различающихся диалектов или говоров, разгадывать довольно трудно, но считать, что их мало и они редко привлекают к себе внимание, неправильно и несправедливо. Напр., в пос. Красноселькуп в 2002 г. были многим известны следующие загадки (*ñurqutsa*), среди которых много совпадений, несмотря на то, что языки — разные:

1) Qaj tan ñennä, qaj mat ñennä (То ты вперед, то я вперед) (*Тольчи 'лыжи'*). Есть и другой вариант этой же загадки, услышанный в том же поселке и названный загадавшим «два бегуна»: *šittəqaj qalimproqj (qəlleimproj), ukkыr qoleima, a ukkыr net, mente'ınyty (menteinət — убежал вперед)*. (Два бегуна: один отстаёт, другой обгоняет). Популярность данной загадки велика; она **встречается и у хантов**: *Кät хэйңән и пуңäl,н кәсл,äңјән па нәмäl,ты хэйң нух ән питл, (Л,ух,ән)*. Буквальный перевод: двое рядом соревнуются, никто не может победить, см. Игрушки обских угров 2007, с. 23. Эта же загадка **популярна у ненцев**: *Няби нямда нертемби, няби нямда нертемби, ниди' нерте ямыди'*. *Один другого перегоняет, другой другого перегоняет, друг друга не могут перегнать (ноги)*. В ненецком примере дважды употребляемое слово (*няби*) воспринимается и соответственно переводится как два разных по значению слова (своего рода омонимы): *один / другой*. Более того, в издании С. В. Тайбарей «Ненецкие загадки» (2004, с. 26) эта же загадка (№ 26), записанная от 10-тилетнего мальчика, звучит иначе: *Сидя няс нити нерте' я''амңаха (ламба), т. е. «Бегут 2 брата наперегонки, а обогнать друг друга не могут» (лыжи)*.

2) *Tuty cäka, a til,turna* (Крыла нет, а летает) (*söryntä, syry = дождь, снег*).

3) *Kuty qənty, wətyty cāңka* («кто идет, дороги нет», т. е. без дороги идет) (*qəly — рыба*).

Как видно по приведенным примерам, загадки могут быть разной степени трудности: одни разгадываются всеми и сразу, другие вызывают затруднения и далеко не всегда и не всеми разгадываются. К загадкам часто близки устойчивые словосочетания и приметки.

ПРИМЕТЫ И ПОВЕРЬЯ КАК РАЗГАДЫВАЕМЫЕ ЗАГАДКИ

Особенно близки к загадкам **словосочетания**, имеющие **однозначные переводы**, как, например, **селькупские**: *ši əktyñny tannenta* — «пена изо рта выходит»; так говорят о человеке, который «привирает, болтает что-то в пьяном виде». Или другой пример: *ira tanta, ši əktyñny tannenta* «старик пришел, пена изо рта выходит». Подобные устой-

чивые словосочетания обычно называют **фразеологизмами**, как, например, сочетание «*ükysa çĕlympra*» (букв. ‘в шапке родился’), то есть ‘счастливый’ (Ср. русское выражение ‘в сорочке родился’). Фразеологизм «он пришел в бешенство» буквально означает «он стал (таким), как будто мясо съел». Даль рассматривал загадки как зачатки разного рода примет, пословиц, поговорок.

Русскому выражению «*когда я ем, я глух и нем*», соответствует селькупское **при-слово** «*Kušan man amutāqāk* (или: *amutnak*), *mat ašša kutsa qoŋumrak*» (2-ая часть буквально: я нигде не жужжу). Совпадений с русскими **приметами** много, но значительно **больше** специфических местных разного рода условных **запретов**: что можно, а чего нельзя делать. Напр., если умрет ребенок, он станет бабочкой красивой, поэтому её нельзя убивать. Если хороший человек умер, он превратится в птицу (конкретно в кукую, не говорится), а плохой — в ворону (душа ребенка превращается в воробья, что особо подчёркивается).

Особенно зорко родители следят за поведением детей в лунную ночь, когда ночью идет человек, а за ним тень движется. *OnDu ilyl'tiqasa yku sontyruqo! OnDoqyndy košyq epa.* «Со своей тенью не играть! Самому плохо будет!». Это говорят детям, которые прыгают и смотрят, как тень делает то же самое. Взрослые предупреждают, что ребенок либо ночью не уснёт, либо заболит и умрёт. Однако у разных народностей предупреждения бывают разные. Так, **кеты**, живущие в селе Горошиха, говорят детям: «Нельзя играть с тенью: тень тебя задушит». У тех же кетов существует поверье, что если на пути двух человек попадется деревня, с двух сторон обходить её нельзя — к ссоре.

Некоторые приметы часто варьируются в пояснениях того, чего конкретно делать нельзя и почему именно: *Roqyula kytar qatqa ašša nōtna: tər qəlyp koččik tattəntyt* «Паука убивать нельзя (не надо): он рыбы много приносит»; с другой стороны, *Roqyula kytar yku qəty: mykal ürända* «Паука не убивай: иголка потеряется». Могут быть и совершенно иные примеры запретов, как во фразе: *Čičika mōty patqoltenta, qošty əty tatəntyty* «Птичка (если) в дом залетит, плохое слово (известие) принесет». Иначе говоря, надо следить, чтобы птичка не залетела в дом, особенно через окно или дверь (это — к покойнику). По другой версии, если птичка клюнет в стекло, будет новость (сельк.).

Нередко **приметы изменяются** от посёлка к посёлку. Особенно это заметно на примере далеко отстоящих друг от друга деревень (посёлков). Так, расположенное на севере между Туруханском и Игаркой (ближе к Курейке), село Горошиха когда-то, по свидетельству местных жителей, стояло на левом берегу Енисея, см. Атлас СССР 1954, с. 64–65. В 1987 г. на другом берегу реки оставались лишь маленькие домики. Здесь селькупка Пинтусова Марина (Безруких), приехавшая сюда из Совречки, выращивала картофель, капусту, помидоры, огурцы. Связь с Горошихой происходила по передаче устного сообщения — то, что называют «цыганской почтой». В самом селе Горошиха, оставшемся на другом берегу, жили кеты, селькупы, эвенки, русские (в частности, учительница младших классов школы), латыши. При таком количестве представителей разных народностей, естественно, происходило большое смешение разных языков, фольклора, поверий, примет или, говоря словами Б.Л. Пастернака, было налицо ‘судьбы скрещенье’ («Зимняя ночь». 1946 г.).

Жители с.Горошиха рассказывали **легенду о кукушке**, которая «по всему союзу-миру так кричит, поёт. Одна везде наша кукушка, конечно, наша, ведь она по-нашему поёт: *ку-ку ку-ку, кок-хы 'п кок-ху'н* ‘ку-ку, ку-ку, один сын одна дочь’. Самцы кричат хрипло: *кок-хытп* ‘один сын’» (запись сделана 13.08.2003 г. от местной жительницы Ольги Киговны Пешкиной, 1950 г. р.).

Столь же уверенно селькупы (жители того же села) приводили **местные приметы**, из которых легко извлекались сведения, кто придет в дом, какая погода ожидается, случится ли какая-то беда или человека ждет удача на охоте и т. п. Разнообразие примеров, среди которых встречается немало противоречащих друг другу, видно по приведённым ниже приметам. Сами приметы при этом нередко воспринимаются, как своего рода загадки, на которые, впрочем, человек, предлагающий ту или иную примету, не столько ждет ответа, сколько сам даёт его, в чем можно убедиться, читая следующие фразы.

— Медвежью лапу бросают; если упадет ладонью вверх, — мать придет, вниз — отец.

— Собака или конь валяются на снегу — к бурану.

— Смотреть с улицы в дом нельзя — покойника высматриваешь.

— В доме свистеть нельзя — горе будет («высвистывают из дома»).

— Вечером нельзя шуметь — беду накликаешь. На улицу и в зеркало смотреть в 12 и час ночи тоже нельзя — красоту испортишь: «отражается лицо, а наверху ходят духи злые, могут увидеть в зеркале лицо». (Последнее добавление считается у жителей Горошихи недавно появившимся разъяснением запрета). Признание предлагаемого разъяснения фактически сменяет приметы на разгадку, свидетельствуя о сходстве («родстве») загадки и приметы. Фактически приметы — те же загадки, но дающие сразу ответ на них, что подтверждается следующим примером:

— Огонь чикает — к беде. Однако, по другой версии, если огонь трещит, то это — к гостям.

— Птицы в дом залетают — к смерти. От этой селькупской приметы отличается эвенкийская примета, услышанная в том же селе Горошиха, следуя которой, прилетевшую птичку надо убить и сжечь, тогда никакой беды не случится.

— Если хромую, больную птичку, увиденную в лесу, человек пожалеет и вылечит, у человека будет добыча, всё хорошо, всё в порядке. Если нет — ждет тебя такая же смерть (голодная и холодная), как у птички.

— Если шмель залетит в дом или если кошка моется, то это к гостям.

— Собака воеет к смерти, которая будет в той стороне, в какую собака голову повернёт.

— При встрече с медведем его бояться не надо. Ему надо сказать: *Qon-qon, At ukysel, si bən dived* 'Иди- иди, дедушка, я тебе плохого не сделаю'.

От **кетов**, живших в Горошихе, удалось записать несколько примет:

— если собака валяется, пойдет снег;

— если воеет, подняв морду вверх, погода переменится, если вниз — к покойнику.

Встречаются и многие другие поверья, порою вызывающие невольную улыбку: например, если покойник будет долго сниться, давить на человека, а человек будет болеть, надо 'помянуть покойника, как следует' (то есть выпить за его здоровье). Столь же неожиданным воспринимается кетское поверье (и одновременно предупреждение), что, если убили медведя (русским нельзя, это грех), 'надо голову медведя отрезать и извиниться' (!).

Некоторые поверья совпадают не только с кетскими, но также с эвенкийскими (и / или) с селькупскими приметам, как, напр.:

— Нельзя играть с тенью: тень тебя задушит.

— Если кукушка кукует слишком рано, урожая (имеются в виду ягоды, шишки) не будет, если поздно, — к урожаю.

— Нельзя ловить солнечных зайчиков, ребенок будет «сикаться» и т. п.

Таким образом, встречающиеся среди примеров малого жанра приметы и поверья, требующие ответа, в большинстве случаев сразу получают ответы на нестандартные тексты, в которых фактически скрывается вопрос (см., три последних примера и др.).

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЗАГАДКИ

Приведенные выше примеры были записаны в большинстве своем от енисейских угров, **загадки** которых иногда совпадают по смыслу не только с загадками обских угров, но даже с русскими загадками, хотя большинство загадок енисейского района являются весьма самобытными.

В книжке 2007 г., уже упоминавшейся ранее («Игрушки обских угров»), приводится несколько нестандартных загадок. Особенно сильное сомнение вызывает первая из них, поскольку ответ представляет собой объяснение происходящего, указывает причину его:

— Нэмн тэрум пух нар̄асл, ил,н ломшет-хомшет якл̄āt (Нэмн вот пул, ил,н юхāt ёв̄āl,д,айт). — Вверху сын бога играет на нарсьюхе, внизу травы пляшут (*Вверху ветер дует, внизу деревья качаются*).

— Л̄,ўн̄ан сот хэ, т̄āl,н х̄ул, керийл, (В̄улы о̄н̄āt). — Летом бывает по сто мужчин, зимой они исчезают (*Рога оленя*)

— Сар вэнт, мур вэнт с̄а̄нн в̄ўрты ухшам̄ан, не хол,д,āl, (Пон,х) — В уголке дремучего леса женщина в красном платке плачет (*Мухомор*). **PS.** Непонятно, почему и есть ли (и какая именно) связь с загадкой, приведенной выше: «Стоит Антошка на одной ножке»?

Изредка у обских угров можно столкнуться с необычайно завуалированными, витиеватыми загадками (впрочем, возможно, местное население способно легко разгадать их). Например:

— Лап̄āt хор сух нюкнен, ими хэс вет о̄н̄āt л̄,ўв т̄а̄ил, к̄āt о̄н̄ātл,ўв̄н̄āl, лыпашчан (нюки хот) — У женщины в шубе из кожи семи оленей двадцать пять ребер, два ребра вывихнуты (*Чум* — традиционное жилище хантов).

— У животного, пришедшего из других земель, непонятно, где голова, где хвост. Ответ неожиданный, особенно для горожанина-москвича: это — *яйцо*.

Чем отличаются загадки от примет и с чем сами приметы могут быть сопоставляемы? Часто трудно определить, каков должен быть отличительный признак, по которому можно кого-то или что-то опознать. Обычно в суеверных представлениях находится признак, предвещающий нечто неприятное.

Ответить на вопрос, в каких языках загадок больше, где они более востребованы и в какой степени, весьма затруднительно, если не сказать, что вообще невозможно. Точно так же вряд ли можно ответить на вопросы: почему одних загадок больше, других меньше? Связано ли это с возрастом желающих играть или с «возрастом» самой загадки? Вопросы будут множиться, в частности, можно задуматься над следующим вопросом.

Напр., в мордовских языках особенно много неразгадываемых загадок. Загадка на мордовских языках носит название «содама ёфкс (мокш.) и «содамоёвке» (эрз.), что означает «сказка для узнавания / отгадывания». Иногда загадка обозначается словом ёфкс, ёвке (сказка) или «угадавкст, содамат» (узнавание). Трудно удержаться и не привести нетривиальные мордовские загадки, едва поддающиеся разгадыванию.

— Ашмадянза, Аш пейнза, А пефтомот вийнза // Без ног, без рук, а силы много (*буря*)

— Атясь сери, Бабась кели, Стирьсна сокор, Цёрасна пляяз — Старик высокий, Старуха широкая, Дочь их слепая, Сын их сумасшедший // (Разгадка: Менельсь, масторсь, шобдась, даволсь — *небо, земля, ночь, буря*)

— Ведьсэ чачи — Ведте жо пели // В воде родится, А воды боится (*салось — соль*).

Слова, относящиеся к категории малых жанров, часто с трудом классифицируются. Судя по приведенным загадкам, они могут быть, во-первых, не разгадываемые совсем. Об этом, в частности, нередко можно услышать от носителей языка. С другой стороны, наоборот, есть повсеместно встречающиеся и всем известные. Наконец, в третьих, немало загадок, которые можно назвать полу разгадываемыми, то есть близкими к правильному ответу.

ЗАБЫТАЯ КНИГА И НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЗВРАЩЕНИЕ В РУССКИЙ ЯЗЫК ЗАБЫТЫХ СЛОВ В НОВОМ ОБЛИЧЬЕ

130 с лишним лет назад М. Забылин написал книгу, которая, по его мнению, «послужит прекрасным пособием для каждого любителя русской истории и русской народности, а также для историка, художника, исторического романиста, драматурга и вообще для всех читателей, любящих серьезное чтение». (Первый абзац предисловия). Репринтное воспроизведение издания книги 1880 г. «Русский народ, его обычаи, предания, суеверия и поэзия» (М., 1992, 607 с.+VIII), как нельзя лучше, свидетельствует о существовавших сиздавна праздниках и обрядах на Руси; о суевериях и ложных убеждениях, приметах, заклинаниях, заговорах; чарах, кладах, народной медицине; русских народных присловиях (прозвищах) и многом-многом другом.

На исконно русскую, быстро забытую книгу М. Забылина 1880 г. издания об обычаях, обрядах, преданиях, суевериях и поэзии в России обратили внимание более чем 100 лет спустя и напечатали её в 1992 г. В настоящее время стали всё чаще обращать внимание на аналогичное состояние книг малочисленных (и не только малочисленных!) уральских народов, забывающих родные языки и переходящих на русский язык. Трудно сказать, какая судьба ждет книги хантыйские, мансийские и книги всех самодийских народов. Точно так же не только языки малочисленных народов, но и языки многотысячных удмуртов, марийцев, коми и некоторых других народов всё больше подвергаются влиянию русского языка. Интересно посмотреть, хотя трудно сказать, каков процент обратных заимствований в русский язык слов из языков уральской языковой семьи в их новом обличье.

Ответ на этот вопрос можно попробовать получить, обратившись к «Этимологическому словарю русских заимствований в языках Сибири» А. Е. Аникина (2003). В словаре даются русские слова в их переводе на уральские языки и прижившиеся среди них:

сельк. таз: tušyɫ tuk ‘клоп’= ‘русский червяк’ (с. 269–270).

ненец. pādāko (уменьш. от pāda ‘мешок, сумка’), енис. патакуй ‘вьючная сумка, мешок’ < нен. Ср. коми падко, арх. патко ‘вид сумочки’. Кстати, у Даля зафиксировано диалектное слово над «стая рыб» (новгор.).

манс. N’ōg ‘камень’ (данный апеллятив, используемый и сейчас, означал ‘Каменная гора’, Сибирский Камень, Каменный Пояс и др. как название Уральских гор.) Ср. также: у коми Из, у хант. Kew, у нен. нарка” Пэ” (т. е. ‘большие камни’).

В работе 'Проблемы диалектной этимологической лексикографии' (Екатеринбург, 2000) А. Е. Аникин обратил внимание на так называемые «досибирские кальки», к которым он отнес сочетание *белые глаза* (к ним же относятся 'серые или голубые глаза'). Отсюда «сев.-рус. *белоглазый* 'с голубыми или серыми глазами', *чудь белоглазая*. Ср. нен. сэр" сэв" 'светлые (= белые) глаза' и (Л. В. Хомич) Сэв Сэр, фольклорное название 'белоглазых' людей, ассоциирующихся с чудью», см. Аникин 2000, с. 30.

Воспользоваться рекомендацией А. Е. Аникина привлечь «досибирские кальки» для решения вопроса о проникновении их в русский язык проблематично. Не менее сложно сравнить современные слова и их значения, когда-то попавшие в русский язык, с современными словами, поскольку трудно установить появление в древние и последующие годы разных слов в разных районах Сибири и других районах России. Но всё-таки это возможно пытаться сделать. К числу таких слов (пользуясь «Материалами для словаря финно-угро-самодийских языков...» под ред. Матвеева) можно отнести, напр., *гайбатъ* < нен. хаебъс 'проходить, проезжать, преодолевать какое-то расстояние'; *дарка* 'ковш (посуда) для разливания (варки) пива' < коми *дар* 'разливательная ложка' и др. (вып. 1. Екатеринбург, 2004, с. 102; 104). Среди слов, попавших в словарь, преобладает бытовая лексика наряду с лексикой рыболовства, охоты, собирательства, оленеводства, бытовой и т. п., исследование которой позволит сделать много открытий. Количество слов, заимствованных говорами Русского Севера из финно-угорских и самодийских языков, огромно и свидетельствует о древних этнических и языковых контактах, существовавших между русским и финно-угорским населением.

Литература

- Аникин А. Е. 2003. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Ново-сибирск. Наука. 788.
- Аникин А. Е. 2000. Проблемы русской диалектной этимологической лексикографии. Диссертация в виде научного доклада на соискание уч. ст. д.ф.н. Екатеринбург. 43.
- Анямов Н. Р. 2008. Параллели в хантыйской и мансийской мифологии (по эпитетам божеств). Мифология хантов. Ханты-Мансийск: Полиграфист. С. 85–98.
- Атлас СССР. 1984. Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М. С. 64–65.
- Даль В. И. 1957. Напутное к сборнику «Пословицы русского народа». М., ГИИ.
- Енов В. Е. 2008. Рыболовная лексика хантыйского языка, отраженная в фольклоре. Фольклор коренных народов Югры и Ямала. С. 174–183.
- Забьлин М. 1992. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 607. + Оглавление: часть 1-V111 (репринтное воспроизведение издания 1880 года).
- Игрушки обских угров. 2007. Каксин А. Д. (ред.). Иваненко Е. А. (авт.). Ханты-Мансийск: Полиграфист. 80 с.
- Игушев Е. А. 2008. Межкультурные коммуникации пермских и обско-угорских народов (по данным языка). Мифология хантов. Ханты-Мансийск, Полиграфист, 28–33.
- Каксин А. Д. 2008. Лингвистический комментарий в статьях «Словаря хантыйской мифологии (необходимость, объем и структура)». Мифология хантов. Ханты-Мансийск. С. 12–21.
- Кашилатова Л. В. 2008. Представление обских угров о Пай ики. Фольклор коренных народов Югры и Ямала. 96–116.
- Кузнецова А. И. 2007. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 114.

- Кузнецова А. И.* Полевые тетради по исследуемым языкам (25)
- Латина М. А.* 2011. Сказки-рассказы тегинских людей. Тэк ёх моньщэт-пугрэт. Вып.1. Ханты-Мансийск: Принт-Класс. С. 112.
- Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. 2004. Матвеев А. К. (ред.). Вып. 1 (А-И). Екатеринбург. С. 142.
- Мифология хантов: Материалы научно-практического семинара, посвященного 50-летию к. и. н. Т. А. Молдановой. 2008. Ханты-Мансийск: Полиграфист. 106.
- Мокшень-рузонь валкс. 1998. Мокшанско-русский словарь. 41 тыс. слов. М. 920 с.+ 40.
- Народные приметы мордвы-мокши. 1992. Сост.: Т. П. Девяткина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 84 с. (представлено более 600 мокшанских народных примет).
- Поляков О. Е.* 1993. Русско-мокшанский разговорник. Изд. 2. На русском-мордовском-мокша языках. Саранск, 160.
- Пушкарева Е.* 2000. Загадки, полевые материалы. Научный Вестник ЯН АО. Выпуск №5 (57). Материалы научно-практической конференции «Обдорья: история, культура, современность». Салехард. 96–103.
- Русско-мокшанский словарь. 1951. 40 тыс. слов. М. Составили С. Г. Потапкин, А. К. Имяреков.
- Русско-эзянский словарь. 1948. 25 тыс. слов. Под ред. М. Н. Коляденкова, Н. Ф. Цыганова. М.
- Тайбарей С. В.* 2004. Ненецкие загадки (Ненецкие «хобцоко»). СПб: Филиал изд. Просвещение. С. 47.
- Феоктистов А. П.* 1971. Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии. М. С. 372.
- Фольклор коренных народов Югры и Ямала: общее и особенное. 2008. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 26 февраля – 2 марта 2006 г. Ханты-Мансийск: Полиграфист. 214 с.
- Эрзянь-рузонь валкс. 1993. Эрзянско-русский словарь. 27 тыс. слов. М. 805 с.
- Kálmán B.* 1961. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest.